

Буллинг и виктимизация у подростков Тувы: распространенность, структура, возрастно-половые различия

Лидия С. Эверт

Научно-исследовательский институт медицинских
проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация

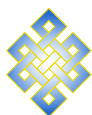

В статье исследуются проблемы буллинга и виктимизации среди подростков Республики Тыва, их распространенность и структура в зависимости от возрастно-половой принадлежности. Источником анализа выступили результаты широкомасштабного скринингового исследования случайных выборок лиц подросткового возраста Тувы ($n=1366$), проводившегося методом онлайн-тестирования в 2022–2023 гг. с использованием Google Forms психометрического опросника «ROSA» (A. Sourander, 2012) для выявления наличия/отсутствия у тестируемых буллинга — традиционного буллинга, кибербуллинга или их сочетания.

У подростков республики изучены частота встречаемости, виды, способы и проявления буллинга и кибербуллинга в группах, различающихся по полу и возрасту. Проанализирована кратность эпизодов буллинга дифференцированно для каждого вида травли и с учетом роли тестируемого в процессе буллинга (жертва/агрессор). Описаны виды издевательств при традиционном буллинге и кибербуллинге, типы агрессоров, представлены сведения о вероятных причинах травли и попытках жертвы получить помощь.

Среди тувинских подростков установлена значительно большая частота вовлеченности в буллинг мальчиков, чем девочек. При традиционном буллинге тувинские мальчики чаще своих сверстниц выступали в роли жертвы (14,6% против 8,0% у девочек), агрессора (13,9% против 5,5%) и жертвы/агрессора (11,3% против 3,4%). Аналогичной была закономерность распределения данных характеристик при кибербуллинге и сочетанном варианте буллинга: у тувинских мальчиков все указанные показатели были выше, чем у тувинских девочек.

Ключевые слова: Тува; подросток; тувинцы; русские; буллинг; кибербуллинг; виктимизация; жертва; агрессор

Для цитирования:

Эверт Л. С. Буллинг и виктимизация у подростков Тувы: распространенность, структура, возрастно-половые различия // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 121–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.9>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. Email: lidiya_evert@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0665-7428

Bullying and victimization among adolescents in Tuva: prevalence, structure, age and gender differences

Lidiya S. Evert

Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, SB RAS, Russian Federation

This article examines bullying and victimization among adolescents in the Republic of Tuva, focusing on their prevalence and structure by age and gender. The analysis is based on the results of a large-scale screening study of random samples of adolescents in the Republic of Tuva ($n = 1,366$), conducted online in 2022–2023 using Google Forms and the ROSA psychometric questionnaire (A. Sourander, 2012) to determine the presence or absence of bullying—traditional bullying, cyberbullying, or a combination of the two. The frequency, types, methods, and manifestations of bullying and cyberbullying were analyzed across age and gender groups. The frequency of bullying episodes was examined separately for each type of bullying, taking into account the participant's role in the bullying process (victim, aggressor). The forms of traditional and cyberbullying, the profiles of aggressors, and information on the probable causes of bullying and the victim's attempts to seek help are described.

Among Tuvan adolescents, boys were significantly more likely to be involved in bullying than girls. In traditional bullying, Tuvan boys were more likely than their female peers to be victims (14.6% versus 8.0% for girls), aggressors (13.9% versus 5.5%), and victim–aggressors (11.3% versus 3.4%). The distribution of these characteristics was similar for cyberbullying and combined bullying: Tuvan boys demonstrated higher rates on all of these indicators than Tuvan girls.

Keywords: Tuva; adolescents; Tuvans; Russians; bullying; cyberbullying; victimization; victim; aggressor

For citation:

Evert L.S. Bullying and victimization among adolescents in Tuva: prevalence, structure, age and gender differences. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 121–145 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.9>

Введение

Буллинг в детско-подростковой популяции является крайне актуальной социальной проблемой, включающей также медицинские, психологические, педагогические и другие аспекты, требующие внимания специалистов различного профиля — медиков, психологов и педагогов. Буллинг (запугивание, издевательство, травля) широко распространён в подростковой среде (Капиренкова, Пискажева, 2020; Реан, Новикова, 2019; Zhu et al., 2022) и может проявляться в виде традиционного буллинга (ТБ) и кибербуллинга (КБ).

Кроме наиболее распространенных видов травли — традиционного буллинга (ТБ), кибербуллинга (КБ) и их сочетания, есть и другие, менее распространенные виды буллинга. В структуре ТБ выделяют две основные его формы — психологическую и физическую. По характеристикам *объекта насилия* выделяют виды буллинга: по полу, возрасту, национальности, веры (подростковый буллинг, буллинг против лиц женского пола, лиц другой веры, другого этноса), *по среде распространения* (школьный, родительский, интернет-травля) и *по характеру насильственных действий* (физический, вербальный и социальный буллинг). Значительно расширяет зону вовлеченности подростков в процесс травли в целом сочетание ТБ и КБ (Москаленко, 2025).

ТБ является одним из видов агрессивного поведения, разновидностью физического или психического насилия в отношении человека, не способного защитить себя в данной ситуации (Kwan et al., 2022; McLoughlin, 2022; Shoham et al., 2021). Школьный буллинг разделяют на типы: физический, социально-психологический и вербальный буллинг.

КБ — более современный вид буллинга, возникший с появлением цифровых технологий, включающий агрессивное поведение, неоднократно совершаемое группой или отдельным лицом с использованием электронных форм воздействия в отношении жертвы, которая не в состоянии себя легко защитить (Maftai, Holman, Merlici, 2022; Jaskulska et al., 2022). В исследованиях зарубежных и отечественных ученых выделяют следующие *виды кибербуллинга*: 1 — флейминг, домогательства, гриферы, кибертролли, киберсталкинг (Reer, Festl, Quandt, 2021); 2 — исключение, домогательства, вылазки, кибер-преступление, фрапин, рассылка поддельных профилей, обман, троллинг (Kowalski et al., 2014); 3 — оскорбления, травля, очернение, олицетворение, вылазка, обман, отчуждение, кибер-преступление (Wang, Iannotti, Luk, 2012); 4 — травля текстовыми сообщениями, травля фото и видео с мобильных телефонов, телефонными звонками, по электронной почте, в чате, травля посредством мгновенных сообщений, травля через веб-сайты (Smith et al., 2008); 5 — онлайн-домогательства, флейминг, кибер-преступность, клевета или троллинг, розыгрыши, разглашение конфиденциальной информации (Kyriacou, Zuin, 2015); 6 — троллинг, киберсталкинг, кибермобинг, бокс, фрапинг, оскорбление, пикник, флейминг, порно-мести (Sainz, Martín-Moya, 2023).

Результатом буллинга является виктимизация, или процесс превращения лица в жертву (Chudal et al., 2022; Kwan et al., 2022; Labella et al., 2024; Рогатень, 2019). Актуальность буллинга для подростков обусловлена возможными негативными последствиями виктимизации, приводящими к эмоциональному стрессу (Kim et al., 2019; Sampasa-Kanyinga, 2017), депрессии (Mitchell, Jones, Turner, 2021), тревоге, социальной изоляции, низкой самооценке (Sampasa-Kanyinga, Lalande, Colman, 2018), отказу от посещения школы, злоупотреблению психоактивными веществами (Kim et al., 2019; Sampasa-Kanyinga, Lalande, Colman, 2018), суицидальному поведению (Mitchell, Jones, Turner, 2021; Nguyen et al., 2023; Zaborskis et al., 2019; Brailovskaia, Teismann, Margraf, 2018; John et al., 2018; Cuesta et al., 2021). Данный эффект доказан не только для жертвы, но и для агрессора (Azevedo et al., 2020).

Стремительный рост буллинга в подростково-молодежных популяциях регистрируется во многих странах мира (Chiu, Vargo, 2022; Abregú-Crespo et al., 2024; Armitage, 2021; Peprah et al., 2023), что с учетом его негативного влияния на здоровье вовлеченных в буллинг подростков, свидетельствует об актуальности данной медико-социальной проблемы и необходимости ее скорейшего решения (Rees, Sabia, Kumpas, 2022; Williams et al., 2023).

Не менее актуальна проблема буллинга и для подросткового населения такой многонациональной страны, как Россия. Подтверждением этого могут служить результаты недавнего исследования Н. Б. Семеновой (Семенова, 2023), обследовавшей 692 подростка г. Красноярска и установившей высокую вовлеченность обследованных ею лиц в буллинг — 43,1% (из них только ТБ — 17,2%; только КБ — 14,3%; оба вида — 11,6%). Полученные данные, безусловно, свидетельствуют о необходимости разработки неотложных профилактических мер для уменьшения агрессивного поведения в подростковой среде подростков-россиян.

Цель исследования — изучить у тувинских подростков распространенность и проявления буллинга и кибербуллинга, оценить социальные роли участников и методы запугивания с позиции возрастно-половых различий. *Объектом* исследования были лица подросткового возраста (12–18 лет), мужского и женского пола — жители Республики Тыва. *Предметом* исследования был буллинг, его распространенность, виды, способы и проявления, методы травли, типы агрессоров, вероятные причины травли и попытки жертвы получить помощь.

При использовании в тексте понятия «тувинские подростки», мы имеем в виду только территориальное проживание (подростки Тувы), а не их этническую принадлежность.

Для реализации этой цели сформулированы следующие *задачи*: изучить распространенность и структуру буллинга во всей группе включенных в исследование тувинских подростков; исследовать особенности распространенности буллинга (традиционного, кибербуллинга и их сочетания) у тувинских подростков различных возрастно-половых групп; охарактеризовать социальные роли (жертва, агрессор, жертва/агрессор) у подростков, вовлеченных в буллинг; оценить частоту травли

и типы агрессоров при разных видах буллинга у тувинских подростков; провести сравнительный анализ видов (способов) издевательств при различных видах буллинга у тувинских подростков с позиций возрастно-половых различий; провести анализ различных аспектов травли в целом (причины травли, попытки найти поддержку и помощь; лица, к которым обращались за помощью жертвы травли).

Материал и методы исследования

Результаты, обсуждаемые в данной работе, являются частью большого исследования, выполненного в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) «Федерального исследовательского центра “Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук”» (ФИЦ КНЦ СО РАН) темы научно-исследовательской работы (НИР) «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков центральной Сибири в условиях широкого распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.) и темы НИР «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг.) (FWES-2024-0036, рег. № ЕГИСУ НИОКТР 124020100064-6), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко). Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование, согласовано с администрациями учебных заведений.

Данными для статистического анализа послужили результаты широкомасштабного скринингового обследования случайных выборок лиц подросткового возраста Республики Тыва ($n=1366$), проводившегося методом онлайн-тестирования в 2022–2023 гг. с использованием Google Forms психометрического опросника «ROSA» (Sourander et al., 2012) для выявления наличия/отсутствия у тестируемых буллинга — традиционного буллинга, кибербуллинга или их сочетания. Общее число обследованных, согласившихся на онлайн-опрос и заполнивших указанный опросник после ознакомления информации, представленной в начале онлайн-ссылки, о гарантии исследователей о неразглашения персональных данных, составило 1366 чел., медиана (Me) возраста 16,0 [15,0; 17,0] лет. В это число не вошло 12 подростков, отказавшихся пройти тест. Из 1366 протестированных и включенных в статистический анализ, лиц мужского пола было — 41,5% (567/1366), женского — 58,5% (799/1366).

Учитывая, что нами обследованы случайные выборки подростков, то, безусловно, речь не может идти о полной репрезентативности всей подростково-молодежной популяции Тувы, охваченной скринингом.

Дизайн исследования включал изучение у обследованных групп сравнения показателей, демонстрирующих частоту встречаемости определенного вида буллинга (традиционного, кибербуллинга) и их сочетания; характеристику видов, способов и проявлений буллинга и кибербуллинга; кратность эпизодов буллинга дифференцированно для каждого вида травли и с учетом роли тестируемого в процессе буллинга (жертва/агрессор); описание видов издевательств и видов агрессоров при традиционном буллинге и кибербуллинге; сведений о вероятных причинах травли и попытках жертвы получить помощь.

В статистический анализ включались только корректно заполненные опросники, в которых тестируемыми были даны ответы на все вопросы. Анализировали показатели в общей группе вошедших в исследование лиц и давших ответы на все вопросы, включенные в опросник. Распространенность каждого из видов буллинга анализировали в общей группе ($n=1366$) включенных в исследование подростков, а также в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом пола: мальчики ($n=567$), девочки ($n=799$) и возраста: 12–14 лет ($n=80$), 15–18 лет ($n=1286$).

В исследовании включены два блока вопросов из опросника психического здоровья подростков «ROSA» (Sourander et al., 2012; Семенова, 2023). Блок I — традиционный буллинг (ТБ) включал следующее определение травли: «Травля — это когда ученик неоднократно подвергается негативным

болезненным действиям со стороны одного или нескольких учеников. Тому, кого травят, трудно защитить себя. Травля может быть словесной (например, обзывательства, угрозы), физической (например, избиение) или психологической (например, сплетни, игнорирование/исключение). Если кто-то постоянно дразнит или обижает человека — это травля». Информация о традиционных издевательствах была получена из четырех вопросов: «Как часто тебя травили в школе за последние шесть месяцев?», «Как часто тебя травили вне школы за последние шесть месяцев?», «Как часто ты травил/а других в школе за последние шесть месяцев?», «Как часто ты травил/а других вне школы за последние шесть месяцев?». Предлагалось четыре варианта ответов: 1) никогда, 2) реже одного раза в неделю, 3) чаще раза в неделю, 4) почти каждый день. Ответы 2, 3, 4 свидетельствовали об издевательствах или преследованиях, по крайней мере, иногда. Выборка была разделена на 4 группы: (1) подростки, никогда не подвергавшиеся виктимизации и не участвовавшие в травле; (2) только жертвы (по крайней мере, иногда были жертвами, но никогда не были агрессором); (3) только агрессоры (по крайней мере, иногда были агрессорами, но никогда — жертвами); (4) группа с ролевой амбивалентностью — жертва/агрессор (по крайней мере, иногда были жертвами, иногда — агрессорами).

Информация о методах издевательства включала вопрос «Как часто тебя кто-либо травил таким образом», состоящий из 11 вариантов: смеялись из-за религии или национальности; из-за того, как ты выглядишь или говоришь; толкали, шлепали, ударяли; распространяли слухи или подлую ложь; направляли сексуальные шутки, комментарии или жесты; не разговаривали или не отвечали; обзывали; говорили плохо; угрожали причинить боль или избить; не включали в то, что делали; не приглашали на вечеринку или встречу. Информация об агрессоре включала вопрос «Кто травил тебя (в школе, вне школы)?», состоящий из 3 вариантов: девочки, мальчики, группа (например, компания друзей, класс и т. п.).

Блок II — кибербуллинг (КБ) в опроснике «ROSA» включал следующее определение кибертравли: «Кибертравля — это когда кто-то неоднократно насмехается над другим человеком онлайн или неоднократно задевает его по электронной почте или в текстовых сообщениях, или выставляет что-то неприятное о человеке в Интернете (социальных сетях)». Информация о кибертравле была получена из двух вопросов: «За последние шесть месяцев как часто ты подвергался кибертравле?», «За последние шесть месяцев как часто ты занимался кибертравлей других?». Выборка была разделена на 4 группы в соответствии с ответами, по аналогии с ТБ. Информация о методах кибертравли включала вопрос «Как часто тебя травили в Интернете таким образом?», состоящий из 6 вариантов: игнорировали, проявляли неуважение, обзывали, распространяли слухи, угрожали, запугивали опасностью. Информации об агрессоре включала вопрос «Кто тебя травил?», состоящий из 6 вариантов ответов: девочки, мальчики, группа (например, компания друзей, класс и т. п.), взрослые женщины, взрослые мужчины, неизвестная личность (не ясно какого пола или возраста). Шкала ответов была идентичной для всей анкеты и включала варианты: 1) никогда, 2) реже одного раза в неделю, 3) чаще раза в неделю, 4) почти каждый день. Ответы были объединены в парные: нет для «никогда» и да — для других вариантов ответов.

При статистической обработке полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (χ^2 square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Распространенность буллинга и социальные роли подростков, вовлеченных в буллинг

Проанализирована распространенность различных видов буллинга (традиционного, кибербуллинга) и их сочетания в общей выборке тувинских подростков, включенных в исследование ($n=1366$), уточнена социальная роль вовлеченных в буллинг лиц. Проанализированы возрастно-половые особенности данных показателей. Результаты проведенного сравнительного анализа показали, что вовлеченными в ТБ были 13,1% (179/1366, ДИ = 11,4–15,0%) тувинских подростков.

Нами выявлено, что в Туве численность лиц, имеющих статус жертвы, составляла 10,8% (147/1366, ДИ = 9,2–12,5%). Статусом «агрессора» в процессе вовлеченности в ТБ, характеризовались 9,0% (123/1366, ДИ = 7,6–10,6%) тувинских подростков. В статусе агрессора и одновременно жертвы традиционного буллинга были 6,7% (91/1366, ДИ = 5,5–8,1%) тувинских подростков.

Распространенность кибербуллинга в общей выборке обследованных тувинских подростков составляла 11,6% (159/1366, ДИ = 10,0–13,4%). Статус жертвы кибербуллинга имели 9,1% (124/1366, ДИ = 7,7–10,7%) тувинских подростков. Роль агрессора в процессе кибербуллинга принадлежала 6,5% (89/1366, ДИ = 5,3–7,9%) тувинских подростков.

Роль агрессора и одновременно статус жертвы кибербуллинга были характерны для 4,0% (54/1366, ДИ = 3,0–5,1%) тувинских подростков. Вовлеченность в оба вида буллинга (их сочетание) отмечалась у 5,4% (74/1366, ДИ = 4,3–6,7%) тувинских подростков.

В таблицу 1 включены результаты сравнительного анализа, отражающие гендерные особенности распространенности всех видов буллинга и социальные роли вовлеченных в буллинг лиц, в общей выборке тувинских подростков, включенных в исследование (учтены ответы только «да»).

Таблица 1. Гендерные различия распространенности буллинга и социальные роли вовлеченных в него лиц, у тувинских подростков

Table 1. Gender differences in the prevalence of bullying and the social roles of those involved in it among Tuvan adolescents

Социальная роль	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Традиционный буллинг (ТБ)							
Не вовлечены в ТБ	469/82,7	79,4–85,6	718/89,9	87,6–91,8	1187/86,9	85,0–88,6	<0,001
Вовлечены в ТБ	98/17,3	14,4–20,6	81/10,1	8,2–12,4	179/13,1	11,4–15,0	<0,001
Из них: только жертвы	83/14,6	12,0–17,8	64/8,0	6,3–10,1	147/10,8	11,4–15,0	<0,001
только агрессоры	79/13,9	11,3–17,0	44/5,5	4,1–7,3	123/9,01	7,6–10,6	<0,001
жертвы/агрессоры	64/11,3	8,9–14,2	27/3,4	2,3–4,9	91/6,7	5,5–8,1	<0,001
Кибербуллинг (КБ)							
Не вовлечены в КБ	468/82,5	79,2–85,4	739/92,5	90,5–94,1	1207/88,4	86,6–90,0	<0,001
Вовлечены в КБ	99/17,5	14,6–20,8	60/7,5	5,9–9,5	159/11,6	10,0–13,4	<0,001
Из них: только жертвы	73/12,9	10,4–15,9	51/6,4	4,9–8,3	124/9,1	7,7–10,7	<0,001
только агрессоры	60/10,6	8,3–13,4	29/3,6	2,5–5,2	89/6,5	5,3–7,9	<0,001
жертвы/агрессоры	34/6,0	4,3–8,3	20/2,5	1,6–3,8	54/4,0	3,0–5,1	<0,001
Оба вида буллинга (ТБ+КБ)							
Не вовлечены в ТБ+КБ	522/92,1	89,5–94,0	770/96,4	94,8–97,5	1292/94,6	93,3–95,7	<0,001
Вовлечены в ТБ+КБ	45/7,9	6,0–10,5	29/3,6	2,5–5,2	74/5,4	4,3–6,7	<0,001

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Как следует из представленной *таблицы 1*, тувинские мальчики, в отличие от девочек, отличались более частой вовлеченностью во все рассматриваемые виды буллинга (традиционный буллинг, кибербуллинг и их сочетание — ТК+КБ).

В структуре социальных ролей внутри каждого из рассматриваемых видов буллинга, мальчики значительно чаще девочек имели статус «только жертвы», «только агрессора» и «агрессора/жертвы».

Частота травли и типы агрессоров при разных видах буллинга

Для оценки структуры буллинга и виктимизации была проанализирована такая характеристика, как частота (кратность эпизодов) травли при каждом из видов буллинга. В указанной ниже *таблице 2* представлены результаты анализа частоты травли при традиционном (школьном) буллинге в общей выборке обследованных в Туве подростков в зависимости от пола (учтены ответы только «да»).

Таблица 2. Частота травли при традиционном буллинге у тувинских подростков различного пола

Table 2. Frequency of traditional bullying among Tuvan adolescents of different genders

Социальная роль и частота травли	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Как часто тебя травлили в школе за последние 6 месяцев							
Совсем не травили	512/90,3	87,6–92,5	749/93,7	91,8–95,2	1261/92,3	90,8–93,6	0,019
Травили: почти каждый день	3/0,5	0,2–1,5	2/0,3	0,1–0,9	5/0,4	0,2–0,9	0,401
чаще раза в неделю	11/1,9	1,1–3,4	8/1,0	0,5–2,0	19/1,4	0,9–2,2	0,145
реже раза в неделю	41/7,2	5,4–9,7	40/5,0	3,7–6,7	81/5,9	4,8–7,3	0,087
Как часто тебя травили вне школы за последние 6 месяцев							
Совсем не травили	505/89,1	86,2–91,4	764/95,6	94,0–96,8	1269/92,9	91,4–94,1	<0,001
Травили: почти каждый день	1/0,2	0,0–1,0	1/0,1	0,0–0,7	2/0,2	0,0–0,5	0,808
чаще раза в неделю	14/2,5	1,5–4,1	6/0,8	0,3–1,6	20/1,5	0,9–2,3	0,010
реже раза в неделю	47/8,3	6,3–10,8	28/3,5	2,4–5,0	75/5,5	4,4–6,8	<0,001
Как часто ты сам травил других в школе за последние 6 месяцев							
Совсем не травил	509/89,8	87,0–92,0	762/95,4	93,7–96,6	1271/93,0	91,6–94,3	<0,001
Травил: почти каждый день	2/0,4	0,1–1,3	1/0,1	0,0–0,7	3/0,2	0,1–0,6	0,376
чаще раза в неделю	9/1,6	0,8–3,0	7/0,9	0,4–1,8	16/1,2	0,7–1,9	0,229
реже раза в неделю	47/8,3	6,3–10,8	29/3,6	2,5–5,2	76/5,6	4,5–6,9	<0,001
Как часто ты сам травил других вне школы за последние 6 месяцев							
Совсем не травил	510/89,9	87,2–92,2	768/96,1	94,5–97,3	1278/93,6	92,1–94,7	<0,001
Травил: почти каждый день	3/0,5	0,2–1,5	2/0,3	0,1–0,9	5/0,4	0,2–0,9	0,401
чаще раза в неделю	8/1,4	0,7–2,8	5/0,6	0,3–1,5	13/0,9	0,6–1,6	0,141
реже раза в неделю	46/8,1	6,1–10,7	24/3,0	2,0–4,4	70/5,1	4,1–6,4	<0,001

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Результаты сравнительного анализа частоты травли у подростков Тувы, вовлеченных в традиционный буллинг, статистически значимых гендерных различий не выявил для всех категорий кратности эпизодов травли (почти каждый день, чаще и реже одного раза в неделю) подростков в школе за последние 6 месяцев.

Эпизоды травли вне школы с частотой чаще или реже одного раза в неделю значительно чаще регистрировались у мальчиков в сравнении с девочками. На вопрос «Как часто ты сам травил других в школе, а также вне школы?», за последние 6 месяцев мальчики отвечали значительно чаще девочек (табл. 2). Приведенные данные свидетельствуют о более частой виктимизации мальчиков при традиционном (школьном) буллинге, с другой стороны, мальчики, вовлеченные в ТБ, статус агрессора имели чаще, чем девочки.

Аналогичный анализ, демонстрирующий частоту травли среди тувинских подростков различного пола, проведен и для кибербуллинга, его результаты включены в таблицу 3 (учтены ответы только «да»).

Таблица 3. Частота травли при кибербуллинге среди тувинских подростков различного пола
Table 3. Frequency of cyberbullying among Tuvan adolescents of different genders

Социальная роль и частота травли	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
За последние 6 месяцев как часто ты подвергался кибертравле							
Совсем не травили	494/87,1	84,1–89,6	748/93,6	91,7–95,1	1242/90,9	89,6–92,3	<0,001
Травили: почти каждый день	4/0,7	0,3–1,8	5/0,6	0,3–1,5	9/0,7	0,3–1,2	0,858
чаще раза в неделю	14/2,5	1,5–4,1	4/0,5	0,2–1,3	18/1,3	0,8–2,1	0,002
реже раза в неделю	55/9,7	7,5–12,4	42/5,3	3,9–7,0	97/7,1	5,9–8,6	0,002
За последние 6 месяцев как часто ты занимался кибертравлей других							
Совсем не травил	507/89,4	86,6–91,7	770/96,4	94,8–97,5	1277/93,5	92,1–94,7	<0,001
Травил: почти каждый день	5/0,9	0,4–2,0	1/0,1	0,0–0,7	6/0,4	0,2–1,0	0,038
чаще раза в неделю	8/1,4	0,7–2,8	5/0,6	0,3–1,5	13/1,0	0,6–1,6	0,141
реже раза в неделю	47/8,3	6,3–10,8	23/2,9	1,9–4,3	70/5,1	4,1–6,4	<0,001

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Частотой эпизодов травли в течение последних 6 месяцев у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, с кратностью чаще и реже одного раза в неделю, в значительно большей степени отличались мальчики, чем девочки. Роль агрессора, осуществлявшего травлю в Интернете с частотой почти каждый день или реже одного раза в неделю, также значительно чаще принадлежала мальчикам, чем девочкам (табл. 3).

Проведен сравнительный анализ типов агрессоров при традиционном буллинге и кибербуллинге в общей группе включенных в исследование подростков Тувы различного пола, результаты анализа отражены в таблице 4 (учтены ответы только «да»).

Таблица 4. Типы агрессоров при традиционном буллинге и кибербуллинге у подростков Тувы различного пола
Table 4. Types of bullies in traditional and cyberbullying among Tuvan adolescents of different genders

Типы агрессоров	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Кто тебя травил в школе/вне школы (традиционный буллинг)							
1. Мальчики	89/15,7	12,9–18,9	86/10,8	8,8–13,1	175/12,8	11,1–14,7	0,007
2. Девочки	60/10,6	8,3–13,4	83/10,4	8,5–12,7	143/10,5	9,0–12,2	0,908
3. Группа (друзья, одноклассники и т. п.)	62/10,9	8,6–13,8	57/7,1	5,5–9,1	119/8,7	7,6–10,3	0,014
Кто тебя травил в интернете (кибербуллинг)							
1. Мальчики	95/16,8	13,9–20,1	37/57,8	3,4–6,3	170/12,5	10,8–14,3	<0,001
2. Девочки	63/11,1	8,8–14,0	28/43,7	2,4–5,0	146/10,7	9,2–12,4	0,670
3. Взрослые мужчины	52/9,2	7,1–11,8	23/2,9	1,9–4,3	75/5,5	4,4–6,8	<0,001
4. Взрослые женщины	35/6,2	4,5–8,5	36/4,5	3,3–6,2	71/5,2	4,1–6,5	0,171
5. Неизвестные личности	158/27,9	24,3–31,7	194/24,3	21,4–27,4	352/25,8	23,5–28,2	0,135
6. Группа (друзей, одноклассников)	52/9,2	7,1–11,8	40/5,0	3,7–6,7	92/6,7	5,5–8,2	0,002
Тебе было страшно, что угрозы, направленные на тебя в Интернете, осуществляются в школе (или дома или где угодно вне Интернета)?							
Да, было страшно	45/7,9		43/5,4		88/6,4		0,058

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Гендерные различия типов агрессоров у подростков, вовлеченных в традиционный буллинг (в школе/вне школы), включали значительно большую частоту травли, осуществляемой мальчиками и/или группой сверстников (друзьями, одноклассниками и т. п.) среди тувинских подростков мужского, чем женского рода (табл. 4).

Мальчиков в Интернете значительно чаще, чем девочек, травил лица мужского рода. Кроме того, гендерными отличиями типов агрессоров у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, были более частая травля мальчиков взрослыми мужчинами и/или группой сверстников (друзей, одноклассников и т. п.), значимость указанных выше типов агрессоров для девочек была менее значимой (табл. 4).

Виды издевательств при различных видах буллинга

В процессе изучения и оценки видов и способов травли в популяции тувинских подростков, вовлеченных в традиционный буллинг, нами был проведен сравнительный анализ гендерных различий видов и способов издевательств при данном виде буллинга (учтены ответы только «да»).

Таблица 5. Виды издевательств при традиционном буллинге у тувинских подростков различного пола
Table 5. Types of bullying in traditional bullying among Tuvan adolescents of different genders

Виды издевательств при традиционном буллинге	Группы обследованных						p1-2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Как часто тебя травили таким образом							
1. Смеялись из-за религии / националь-ности	39/6,9	5,1–9,3	37/4,6	3,4–6,3	76/5,6	4,5–6,9	0,074
2. Смеялись над внешним видом	108/19,1	16,0–22,5	118/14,8	12,5–17,4	226/16,5	14,7–18,6	0,036
3. Толкали, шлепали, ударяли или били	88/15,5	12,8–18,7	59/7,4	5,8–9,4	147/10,8	9,2–12,5	<0,001
4. Распространяли слухи или подлую ложь	100/17,6	14,7–21,0	138/17,3	14,8–20,0	238/17,4	15,5–19,5	0,860
5. Сексуальные шутки, комментарии, жесты	84/14,8	12,1–18,0	57/7,1	5,5–9,1	141/10,3	8,8–12,0	<0,001
6. Не разговаривали или не отвечали	89/15,7	12,9–18,9	123/15,4	13,1–18,1	212/15,5	13,7–17,5	0,879
7. Обзывали	127/22,4	19,2–26,0	118/14,8	12,5–17,4	245/17,9	16,0–21,1	<0,001
8. Говорили о тебе плохо	111/19,6	16,5–23,0	125/15,6	13,3–18,3	236/17,3	15,4–19,4	0,058
9. Угрожали причинить боль или избить	61/10,8	8,5–13,6	33/4,1	3,0–5,7	94/6,9	5,7–8,3	<0,001
10. Не включали в то, что делали	88/15,5	12,8–18,7	82/10,3	8,3–12,6	170/12,5	10,8–14,3	0,004
11. Не приглашали на вечеринку или встречу	69/12,2	9,7–15,1	62/7,8	6,1–9,8	131/9,6	8,1–11,3	0,006

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Результаты сравнительного анализа гендерных различий большого перечня видов и способов издевательств (табл. 5) у подростков, вовлеченных в традиционный буллинг, включали значительно большую встречаемость у мальчиков, в отличие от девочек, таких видов и способов травли, как насмешки над внешним видом; толкание, шлепки, удары или избиения; комментарии, жесты и шутки сексуального характера; обзывания; угрозы причинения боли или избиения; невключение в виды деятельности и/или мероприятия; не приглашение на вечеринку или встречу (табл. 5).

Аналогичный анализ проведен у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, его результаты включены в таблицу 6 (учтены ответы только «да»).

Результаты проведенного анализа, включенные в таблицу 6, продемонстрировали у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, значительно большей частоты факта игнорирования у девочек в сравнении с мальчиками. У мальчиков в процессе кибербуллинга значительно чаще, чем у девочек, регистрировались такие виды травли, как обзывания, угрозы и запугивание опасностями (табл. 6).

Таблица 6. Виды издевательств при кибербуллинге у тувинских подростков различного пола
Table 6. Types of cyberbullying among Tuvan adolescents of different genders

Виды издевательств при кибербуллинге	Группы обследованных						p1–2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Как часто тебя травили таким образом							
1. Тебя игнорировали	132/23,3	20,0–26,9	238/29,8	26,7–33,0	370/27,1	24,8–29,5	0,008
2. Проявляли к тебе неуважение	120/21,2	18,0–24,7	150/18,8	16,2–21,6	270/19,8	17,7–22,0	0,274
3. Обзывали	119/21,0	17,8–24,5	93/11,6	9,6–14,0	212/15,5	13,7–17,5	<0,001
4. Распространяли слухи о тебе	87/15,3	12,6–18,5	97/12,1	10,1–14,6	184/13,5	11,8–15,4	0,087
5. Угрожали	59/10,4	8,2–13,2	29/3,6	2,5–5,2	88/6,4	5,3–7,9	<0,001
6. Запугивали опасностью	54/9,5	7,4–12,2	35/4,4	3,2–6,0	89/6,5	5,3–7,9	<0,001

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

О травле в целом

В данном разделе рассмотрены особенности ряда показателей, дающих представление о различных аспектах травли в целом у подростков Тувы различного пола при традиционном буллинге. Результаты анализа указанных выше характеристик отражены в таблице 7.

Таблица 7. О травле в целом у подростков Тувы различного пола, вовлеченных в традиционный буллинг
Table 7. About bullying in general among teenagers of both sexes in Tuva involved in traditional bullying

Показатели	Группы обследованных						p1-2
	1 гр. Мальчики		2 гр. Девочки		Всего		
	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	абс/%	95%ДИ	
Ты чувствуешь, что причина того, что тебя травят — что-то в тебе?							
Да	70/12,4	9,9–15,3	80/10,0	8,1–12,3	150/11,0	9,4–12,7	0,174
Ты чувствуешь, что кто-то травит тебя потому, что в ней или в нем что-то заставляет так поступать?							
Да	92/16,2	13,4–19,5	121/15,1	12,8–17,8	213/15,6	13,8–17,6	0,587
Ты говорил/а кому-нибудь о своих переживаниях, чтобы тебе могли помочь?							
Да	260/45,9	41,8–50,0	456/57,1	53,6–60,5	716/52,4	49,8–55,1	<0,001
Если говорил (а), то отметь, пожалуйста, кому:							
1. Родителю	184/55,6	28,7–36,4	316/61,5	36,2–43,0	500/59,2	34,1–39,2	0,089
2. Брату/сестре	106/32,0	15,7–22,1	180/35,0	19,8–25,6	286/33,8	18,9–23,2	0,369
3. Другу	182/55,2	28,4–36,1	298/58,0	34,0–40,7	480/56,9	32,7–37,7	0,419
4. Учителю	20/6,0	2,3–5,4	31/6,0	2,7–5,5	51/6,0	2,9–4,9	1,000
5. Другому взрослому в школе (директору, социальному педагогу)	11/3,3	1,1–3,4	13/2,5	1,0–2,8	24/2,8	1,2–2,6	0,497

6. Психологу, психиатру, соц. работнику	20/6,0	2,3–5,4	46/8,9	4,3–7,6	66/7,9	3,8–6,1	0,124
7. Говорил/а другому человеку	2/0,6	0,1–1,3	6/1,2	0,3–1,6	8/0,9	0,3–1,2	0,409
<i>За последние шесть месяцев ты намеренно повреждал/а себя, нанося порезы или ожоги кожи?</i>							
Да	41/7,2	5,4–9,7	51/6,4	4,9–8,3	92/6,7	5,5–8,2	0,538
<i>Ты когда-нибудь всерьез думал/а совершить самоубийство?</i>							
Да, думал/а	25/4,4	3,0–6,4	90/11,3	9,3–13,6	115/8,4	7,1–10,0	<0,001
<i>Ты пробовал/а совершить самоубийство?</i>							
Да, пробовал/а	15/2,7	1,6–4,3	31/3,9	2,7–5,5	46/3,4	2,5–4,5	0,213
<i>Риск суицида у подростков</i>							
Риска нет	508/89,6	86,8–91,8	677/84,7	82,1–87,1	1185/86,	84,8–88,4	0,009
Риск низкий	59/10,4	8,2–13,2	122/15,3	12,9–17,9	181/13,2	11,6–15,2	0,009

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Представленная выше *таблица 7* иллюстрирует, что тувинские девочки чаще мальчиков принимали попытки найти поддержку и помощь, сообщая о своих переживаниях и проблемах кому-то из окружающих. Однако статистически значимых различий, относительно указаний на конкретное лицо — родитель, брат/сестра, друг/подруга, учитель, другой взрослый в школе (директор, социальный педагог), психолог, социальный работник, другой человек, к которому девочки могли обратиться или обращались, выявлено не было.

Для выявления группы риска по аутодеструктивному¹ и суицидальному поведению, в рамках проводимого исследования в опросник были включены соответствующие вопросы: «За последние шесть месяцев ты намеренно повреждал/а себя, нанося порезы или ожоги кожи?», «Ты когда-нибудь всерьез думал/а совершить самоубийство?» и «Ты пробовал/а совершить самоубийство?». Положительный ответ был получен на второй из заданных вопросов, при этом положительный ответ значительно чаще давали девочки (11,3%), чем мальчики (4,4%, $p < 0,001$).

Низкий уровень риска суицида чаще был характерен для девочек-тувинок (15,3%), чем тувинцев-мальчиков (10,4%, $p = 0,009$). Лиц, имеющих средний или высокий риск суицида, среди тувинских подростков (как мальчиков, так и девочек) выявлено не было.

Особенности буллинга у подростков Тувы различного возраста

Возрастные различия изучаемых в рамках данного исследования показателей включали большую частоту встречаемости социальной роли жертва/агрессор у тувинских подростков младшей возрастной группы (12–14 лет) в сравнении со старшей возрастной группой у подростков, вовлеченных в кибербуллинг — соответственно 10,0% (8/80, ДИ = 5,2–18,5) и 3,6% (46/1286, ДИ = 2,7–4,7; $p_{1-2} = 0,004$, $\chi^2 = 8,18$).

Роль агрессора у подростков, вовлеченных в кибербуллинг, значительно чаще регистрировалась также у младших подростков — 12,5% (10/80, ДИ = 6,9–21,5) в сравнении со старшими — 6,1% (79/1286, ДИ = 5,0–7,6; $p_{1-2} = 0,025$; $\chi^2 = 5,00$).

¹ Аутодеструктивное поведение — это действия, направленные на причинение вреда самому себе, своему здоровью, телу или жизни. Может проявляться в различных формах: от нанесения себе физических повреждений до игнорирования лечения, злоупотребления алкоголем или наркотиками, а также в суицидальных попытках.

При анализе частоты эпизодов травли *вне школы* установлено, что в младшей возрастной группе доля лиц, никогда не участвующих в традиционном (школьном) буллинге в роли агрессоров, была значительно выше — 98,7% (79/80, ДИ = 93,3–99,8), чем у старших подростков — 93,2% (1199/1286, ДИ = 91,7–94,5; $p1-2 = 0,052$, $\chi^2 = 3,80$).

Тувинские подростки младшей возрастной группы, отличались меньшей численностью лиц, никогда не участвующих в травле в интернете (кибербуллинге) — 87,5% (70/80, ДИ = 78,5–93,1), чем группа старших подростков — 93,9% (1207/1286, ДИ = 92,4–95,0; $p1-2 = 0,026$, $\chi^2 = 4,50$). И, напротив, меньшей долей лиц, участвующих в травле в интернете (кибербуллинге) с частотой реже одного раза в неделю, характеризовались старшие подростки — 4,7% (61/1286, ДИ = 3,7–6,0), чем подростки младшей возрастной группы — 11,3% (9/80, ДИ = 6,0–20,0; $p1-2 = 0,011$, $\chi^2 = 6,56$).

Частота такого вида травли, как угроза причинения боли и угроза избиения, составляла 7,3% (94/1286, ДИ = 6,0–8,9) у подростков старшей возрастной группы, вовлеченных в традиционный (школьный) буллинг, и вообще не встречалось таких лиц среди младших подростков ($p1-2 = 0,012$; $\chi^2 = 6,28$).

При анализе различных аспектов травли в целом, было установлено, что при традиционном буллинге подростки старшей возрастной группы значительно чаще сообщали о своих сомнениях и проблемах кому-либо из числа окружающих их людей — 53,1% (683/1286, ДИ = 50,4–55,8), чем младшие школьники — 41,3% (33/80, ДИ = 31,1–52,2; $p1-2 = 0,039$, $\chi^2 = 4,25$).

Младшие подростки значительно чаще рассказывали о своих проблемах родителям — 73,9% (34/46, ДИ = 59,7–84,4), чем старшие — 58,3% (466/799, ДИ = 54,9–61,7; $p1-2 = 0,036$; $\chi^2 = 4,38$). Также значительно чаще, подростки младшего возраста рассказывали о своих страхах и сомнениях другому человеку — 4,3% (2/46, ДИ = 1,2–14,5) в сравнении с подростками старшей возрастной группы — 0,8% (6/799, ДИ = 0,3–1,6; $p1-2 = 0,014$, $\chi^2 = 6,00$). Статистически значимых возрастных различий других показателей буллинга, изученных в рамках данного исследования, получено не было.

Таким образом, результаты нашей работы позволяют сделать по основным разделам исследования следующие **выводы**:

1. *Эпидемиология буллинга в Туве*: результаты проведенного скринингового исследования продемонстрировали масштабы и структуру буллинга у тувинских подростков. Распространенность традиционного буллинга в Туве составила 13,1%, кибербуллинга — 11,6%, вовлеченность в оба вида буллинга — у 5,4% подростков;

2. *Социальные роли и виктимизация*: статус жертвы традиционного буллинга в Туве имеют 10,8% вовлеченных в ТБ подростков, роль агрессора в традиционном буллинге характерна для 9,0% тувинских подростков. При кибербуллинге виктимизация затрагивает 9,1% тувинских подростков, статус агрессора в Туве имеют 6,5% подростков. Доля тувинских подростков, одновременно выполняющих роли агрессора и жертвы при кибербуллинге, составляет 4,0%;

3. *Гендерные различия*: анализ гендерных аспектов выявил четкую тенденцию, включающую значительно большую вовлеченность тувинских мальчиков во все виды буллинга. Эта закономерность проявляется как в общей вовлеченности, так и в структуре социальных ролей — мальчики чаще имеют статус исключительно жертвы, исключительно агрессора и одновременно жертвы-агрессора;

4. *Частота травли*: при анализе частоты эпизодов травли в школе гендерных различий не выявлено, однако эпизоды буллинга *вне школы* чаще регистрировались у мальчиков, которые также значительно чаще занимали позицию агрессора. В отношении типов агрессоров мальчики чаще подвергались травле со стороны других мальчиков и групп сверстников, тогда как девочки подвергались более разнообразным типам агрессии;

5. *Виды и способы издевательств*: тувинские мальчики испытывают значительно более широкий спектр издевательств, включающий насмешки над внешним видом, физическую агрессию (толкание, шлепки, удары), комментарии сексуального характера, обзывания, угрозы физической расправы, социальное исключение и невключение в мероприятия. При кибербуллинге гендерные различия в видах и способах травли более специфичны: у девочек значительно чаще встречается игнорирование, тогда как у мальчиков — обзывания, угрозы и запугивание;

6. *Поиск поддержки и психосоциальные риски*: в процессе реализации фрагмента исследования, касающегося изучения различных аспектов буллинга в целом, было установлено, что тувинские де-

вочки чаще мальчиков предпринимают активные попытки получить поддержку и помощь, сообщая о своих проблемах и опасениях окружающим их людям. Однако конкретно указанные источники поддержки (родители, друзья, учителя, психологи) статистически значимо между полами не различались;

7. *Риск суицидального поведения*: наиболее важный вывод касается психических рисков: у 11,3% девочек возникали мысли о самоубийстве, в то время как среди мальчиков этот показатель составил 4,4% ($p < 0,001$). Оценка величины (выраженности) суицидального поведения показала, что низкий уровень суицидального риска чаще выявлялся у девочек (15,3%) по сравнению с мальчиками (10,4%). Положительным моментом является то, что среди тувинских подростков не было выявлено лиц со средним или высоким суицидальным риском;

8. *Возрастные различия*: анализ возрастных особенностей социальных ролей при буллинге выявил, что подростки младшей возрастной группы (12–14 лет) чаще имели статус одновременно агрессора и жертвы при кибербуллинге (10,0% против 3,6% у старших подростков), и также чаще они выполняли роль агрессора в кибербуллинге (12,5% против 6,1%);

9. *Возрастные различия в поиске поддержки/помощи и психосоциальных рисках*: старшие подростки предпринимают активные попытки получить поддержку и помощь, сообщая о своих проблемах и опасениях окружающим их людям и значительно реже — родителям (53,1% против 41,3%). Младшие подростки более охотно рассказывали о проблемах родителям (73,9% против 58,3%), что указывает на значимость сохранения близости семейных связей в младшем подростковом возрасте.

Обсуждение

Проблема традиционного буллинга и кибербуллинга у подростков характерна практически для всех стран мира, независимо от их экономического и социально-политического развития. Распространенность буллинга в различных странах вариабельна: в Японии — 16,1%, Греции — 16,2%, Норвегии — 19,8%, Индии — 23,2%, Китае — 21,8%, Финляндии — 27,4%, Вьетнаме — 30,7%, Сингапуре — 28,8%, Израиле — 35,4%, Иране — 38,7%, Литве — 37,1% (Москаленко, 2025). Показатели распространенности только кибербуллинга составляет у подростков Японии — 1,0%, Индии — 2,2%, Греции — 2,7%, Вьетнама — 2,8%, Финляндии — 3,5%, Сингапура — 3,9%, Литвы — 4,6%, Китая — 5,6%, Израиля — 6,4%, Норвегии — 6,5%, Индонезии — 6,5% и Ирана — 9,3% (Ang, 2017; Aparicio-Martínez et al., 2020; и др.¹).

Настоящее исследование буллинга среди подростков Тувы выявило комплекс феноменов, требующих детального научного анализа в контексте существующей международной литературы. Полученные результаты демонстрируют существенные различия в распространенности, характере и последствиях буллинга между половыми и возрастными группами.

Согласно исследованию PISA-2018 по буллингу в российских школах, средняя распространенность виктимизации составляет 16%, что соответствует нашим данным по Туве. Вероятно, низкие показатели в Туве могут отражать особенности школьного климата или различия в социокультурном контексте региона (Avanesian et al., 2021).

В международной практике показатели кибербуллинга варьируют от 11% до 30% в зависимости от методологии исследования и популяции. Последние данные WHO/Europe (2024) по 44 странам показывают, что 15% подростков испытали кибербуллинг, при этом отмечается тревожный рост этого показателя с 12–13% в 2018 г. Относительно низкие показатели в Туве (11,6%) могут предположительно указывать на более ограниченный доступ к цифровым технологиям или иные факторы, требующие дополнительного исследования (Li et al., 2024).

Наиболее примечательным явился установленный нами факт наличия более низкого показателя одновременного участия подростков Тувы в обоих видах буллинга (5,4%). Метаанализ 2022 г.

¹ Шипанова Д. Е. Исследование кибербуллинга: разработка диагностического инструментария // Наука. Информатизация. Технологии. Образование : материалы XIV международной научно-практической конференции «Новые информационные технологии в образовании и науке НИТО 2021» 1–5 марта 2021 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2021. С. 587–593.

(Li et al., 2024) выявил, что примерно 6,76% подростков вовлечены в оба типа буллинга, что предполагает, что Тува может действительно иметь более благоприятную ситуацию с полиморбидным буллингом.

Вероятно, наиболее значимой находкой результатов исследования является выраженность гендерных различий вовлеченности в буллинг, при одновременно противоположной направленности его психоэмоциональных и психиатрических последствий. Тувинские мальчики демонстрируют значительно более высокую вовлеченность во все виды буллинга, что соответствует данным международной литературы. Согласно WHO/Europe (2024), 8% мальчиков и 5% девочек указали на то, что они травили других в школе; при этом 14% мальчиков и 9% девочек сообщили о кибербуллинге других. Анализ гендерных различий в буллинге по данным одного из исследований показал, что мальчики чаще вовлечены в прямую физическую агрессию, тогда как девочки испытывают больше воздействий вербального и реляционного буллинга (Useche et al., 2023; Avanesian et al., 2021).

Неоднозначный результат анализа данных исследования выявлен нами в отношении суицидального риска: девочки в Туве в 2,5 раза чаще мальчиков (11,3% и 4,4%) периодически всерьез размышляли о самоубийстве. Это явление согласуется с международными данными, демонстрирующими, что девочки-жертвы буллинга имеют более высокую уязвимость к депрессии и суицидальному поведению, чем мальчики с аналогичным опытом виктимизации. Метаанализ 2025 г. выявил, что девочки, подвергшиеся издевательствам (насмешки, body-shaming, вербальное насилие) демонстрируют на 22–89% более высокие риски депрессивных симптомов в зависимости от формы буллинга (Sun et al., 2025).

Исследование гендерных типов агрессоров в Туве показало, что мальчики чаще травили друг друга и подвергались травле со стороны группы сверстников, тогда как девочки сталкивались с более разнообразными типами агрессоров, включая взрослых мужчин. Это может объяснять различия в психологических последствиях: мальчики сталкиваются с более конкретными, часто физическими формами агрессии со стороны равных по возрасту, тогда как девочки испытывают более многообразные формы социального исключения и потенциально нежелательного внимания со стороны взрослых (особенно мужчин), что может быть связано с их более глубокой психической травматизацией.

Одним из значимых научных выводов нашего исследования является выявление большей вовлеченности обследованных Тувы в кибербуллинг, затрагивающей значительную часть тувинских подростков (11,6%). Международные исследования последних лет демонстрируют, что кибербуллинг является независимым фактором риска суицидального поведения, отличным от традиционного буллинга (Arnon et al., 2022).

Исследование ABCD Study (США, 2022) с участием более 10000 подростков 10–13 лет показало, что жертвы кибербуллинга в 4 раза чаще имели суицидальные мысли и совершали попытки суицидов. Важно, что это взаимоотношение сохранялось даже при контроле за традиционным оффлайн буллингом, что указывает на наиболее выраженное психопатологическое воздействие кибербуллинга. Метаанализ 2025 г. выявил, что жертвы кибербуллинга демонстрируют повышенную тревожность, депрессию, одиночество, низкую самооценку и суицидальное поведение во всех проведенных метаанализах (Arnon et al., 2022).

В контексте нашего исследования, 9,1% тувинских подростков имеют статус жертвы кибербуллинга, и это может объяснять отмеченный выше феномен повышенного суицидального риска у девочек, несмотря на их меньшую общую вовлеченность в буллинг. Возможно, что девочки, становясь жертвами, испытывают более тяжелые психологические последствия особенно при кибербуллинге, характеризующегося перманентностью, воспроизводимостью и потенциальной публичностью.

Выявленные нами возрастные различия виктимизации и агрессии имеют значительное теоретическое и практическое значение. Младшие подростки (12–14 лет) в Туве, в противоположность подросткам старшей возрастной группы (15–18 лет), чаще занимали двойственный статус жертвы-агрессора при кибербуллинге (10,0% против 3,6%) и более часто выполняли роль агрессора (12,5% против 6,1%). Литературные данные по возрастным траекториям буллинга показывают неоднозначные результаты: некоторые исследования выявляют нисходящий тренд виктимизации с возрастом, особенно среди мальчиков, тогда как траектория у девочек часто показывает повышающийся тренд (López-Castro et al., 2023).

Интерпретация этих данных может быть связана с развитием социального и эмоционального функционирования подростков. Младшие подростки находятся в периоде критического перехода от детства к подростковому периоду, характеризующемуся незрелостью эмоциональной регуляции и импульсивностью. Исследования показывают, что стратегии когнитивной переоценки и эмоциональной регуляции развиваются в течение подросткового возраста и напрямую связаны со снижением агрессивного поведения. Младшие подростки могут демонстрировать более импульсивное, неосознанное участие в кибербуллинге, не полностью понимая последствия, что согласуется с более высокой частотой их двойственной социальной роли в процессе буллинга (Gutiérrez-Cobo et al., 2023).

Важно отметить, что младшие подростки в Туве значительно чаще рассказывали о своих проблемах родителям (73,9% против 58,3% у старших), что указывает на сохранение важности семейной привязанности и поддержки в младшем подростковом возрасте. Это согласуется с теоретическими моделями развития, предполагающими, что семья остается ключевым источником поддержки в младшем подростковом возрасте, тогда как у старших подростков социальное окружение становится более значимым (Ge, 2025).

Поиск помощи как защитный фактор и его ограничения. Травля среди подростков является серьезной проблемой общественного здравоохранения, имеющей глубокие психологические и поведенческие последствия. Исследования показывают, что help-seeking поведение является одним из наиболее эффективных механизмов воздействия/влияния при буллинге, особенно когда оно направлено на семью и учителей (Sitnik-Warchulska et al., 2021; Matuschka et al., 2022). Показано, что индивидуальные психологические ресурсы играют решающую роль в формировании реакции подростков на травлю, в то же время одной лишь социальной поддержки может быть недостаточно для снижения риска суицидальных наклонностей (Ge, 2025).

Установленный нами факт того, что тувинские девочки чаще мальчиков предпринимали попытки получить поддержку и помощь, может быть интерпретирован в контексте защитных факторов. Однако следует отметить и значимое ограничение: несмотря на то, что девочки чаще пытались получить помощь, при этом они демонстрировали более высокий суицидальный риск. Это предполагает, что help-seeking поведение, хотя и протективное, может быть недостаточным без необходимого качества ответной реакции и высоко профессиональной поддержки. Недавнее исследование (2025) показало, что, хотя самооценка, эмоциональная стабильность осуществляют/обеспечивают связь между буллингом и помощью-seeking, они имеют ограниченный защитный эффект на суицидальность. Это указывает на необходимость многоуровневых вмешательств, включающих не только семью и сверстников, но и профессиональные психиатрические и психологические виды помощи (Ge, 2025).

Выявленные гендерные различия в формах издевательств имеют теоретическое значение для понимания социализации агрессии. Мальчики испытывают более прямые, физически ориентированные формы агрессии (толкание, удары, угрозы), тогда как девочки сталкиваются с социальным исключением и игнорированием, особенно при кибербуллинге.

Согласно исследованию гендерных различий в буллинге, мальчики, подвергавшиеся физическому буллингу, демонстрируют более высокие показатели депрессии, чем мальчики, не испытывающие воздействий травли, тогда как девочки, испытывающие кибербуллинг, демонстрируют более высокие риски депрессии. Это предполагает, что формы буллинга по-разному воздействуют на подростков различного пола. Социальное исключение и реляционная агрессия, часто опосредованные цифровыми технологиями для девочек, могут быть психологически более разрушительными, поскольку атакуют социальную идентичность и чувство принадлежности — критические компоненты самооценки подростков (Sun et al., 2025).

Исследование PISA-2018 буллинга в русскоязычных школах выявило, что буллинг ассоциирован с особенностями школьного климата и часто встречается в школах с низкими показателями дисциплины и чувства принадлежности. Последние исследования по оценке эффективности профилактических мероприятий демонстрируют, что комплексные программы по профилактике буллинга, включающие социально-эмоциональное обучение (SEL) и создание позитивного школьного кли-

мата, эффективны в снижении буллинга и улучшении психоэмоционального состояния и психического здоровья (Fraguas et al., 2021; Avanesian et al., 2021; и др.¹).

Решающую роль в механизмах агрессии играет эмоциональная регуляция. Исследование (2023) показало, что использование когнитивной переоценки ассоциировано с более низкими уровнями агрессии, тогда как экспрессивное подавление эмоций связано с более высокими уровнями как агрессии, так и негативного аффекта. Это предполагает, что вмешательства, направленные на обучение адаптивным стратегиям эмоциональной регуляции, могут быть эффективны для уменьшения буллинга, особенно среди мальчиков, демонстрирующих более высокие уровни агрессии (Gutiérrez-Cobo et al., 2023).

Результаты проведенного исследования и данные других авторов позволяют представить ряд рекомендаций. В частности, для профилактики буллинга необходимо внедрение комплексных школьных программ по профилактике буллинга, включающих SEL, создание позитивного школьного климата и обучение педагогов распознаванию признаков виктимизации (Fraguas et al., 2021; Lin, Shih, 2024); для мальчиков обоснован фокус на развитии эмоциональной регуляции и конструктивных способах разрешения конфликтов, обучение эмпатии (Gutiérrez-Cobo et al., 2023); для девочек необходимо повышенное внимание к их психоэмоциональному статусу, профилактика суицидального поведения, особенно в контексте кибербуллинга (Arnon et al., 2022; Sun et al., 2025); для младших подростков важна цифровая грамотность, укрепление семейных связей как защитного фактора (Ge, 2025); многоуровневый подход, включающий интеграцию школьных программ, семейной поддержки и профессиональных психологических и психиатрических технологий, с признанием ограниченности исключительно поддержки сверстников (peer support) при высоком суицидальном риске (Hästbacka et al., 2025; Ge, 2025; Estévez-García, Cañas, Estévez, 2023).

Заключение

Исследование буллинга и кибербуллинга среди подростков Тувы, проводилось нами в рамках широкомасштабного онлайн-скрининга подростковых популяций 3-х регионов Сибири (Красноярский край, Хакасия, Тува) как комплексное изучение проблемы буллинга в образовательной среде и за ее пределами, включая виртуальное пространство. Исследование выявило существенные гендерные и возрастные различия в распространенности и характере травли тувинских подростков, при этом для Тувы в целом характерна более благоприятная эпидемиологическая ситуация относительно буллинга.

Исследование успешно решило все задачи, запланированные для тувинской популяции, обеспечив детальное понимание феномена буллинга с учетом социально-демографических факторов. Масштабная выборка позволила провести многоуровневый анализ, включая распространенность буллинга (традиционного и кибербуллинга), социальные роли участников (жертва, агрессор, жертва-агрессор), типы и способы издевательств, характеристики агрессоров, частоту эпизодов травли, поведение жертв в поиске помощи и риск суицидального поведения.

Полученные данные позволяют позиционировать Туву как регион с относительно контролируемой ситуацией в области традиционного/школьного буллинга и кибербуллинга среди тувинских подростков. Распространенность традиционного буллинга (13,1%), кибербуллинга (11,6%), достаточно низкий уровень одновременного участия подростков в обоих видах буллинга (5,4%) отражает более благоприятные условия в образовательной среде и социальной микросреде тувинских подростков. Однако это не исключает наличие серьезных проблем, требующих целенаправленного внимания, особенно в отношении девочек как группы повышенного психиатрического риска и мальчиков как группы повышенной вовлеченности в процессы травли.

Одним из самых значимых выявленных феноменов являются выраженные гендерные различия, включающие значительно более высокую вовлеченность мальчиков во все виды буллинга в сравнении с девочками. Это касается как традиционного буллинга в школьной среде, так и кибербуллинга.

¹ Дегтярев Е. А. Стратегия профилактики буллинга и кибербуллинга образовательной организации в подростковой среде // Мир науки, культуры, образования. 2021. Т. 89. № 4. С. 121–123. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-121-123>

Мальчики характеризуются более высокой частотой эпизодов травли как в роли жертвы, так и агрессора, что указывает на более конфликтогенный характер межличностных отношений среди мальчиков-подростков в Туве.

Качественные различия в формах издевательств также носят гендерный характер: если мальчики испытывают более прямые, физически ориентированные формы агрессии (толкание, удары, угрозы физической расправы), то девочки сталкиваются с социальным исключением и игнорированием. Это соответствует известным закономерностям гендерной социализации, где мальчики демонстрируют более открытую, экстернализированную агрессию, а девочки — скрытые, внутренние формы агрессии.

Наиболее тревожный показатель касается девочек: они в 2,5 раза чаще мальчиков (11,3% против 4,4%) всерьез размышляли о самоубийстве. Это свидетельствует о том, что, несмотря на меньшую вовлеченность девочек в буллинг, переживаемый ими буллинг имеет более глубокие психопатологические последствия. Кажущееся парадоксальным сочетание меньшей вовлеченности в буллинг с более высокими суицидальными мыслями подчеркивает особую виктимизирующую силу социального исключения и изоляции для девочек-подростков.

Выявленные возрастные различия указывают на особую уязвимость младших подростков (12-14 лет) в контексте кибербуллинга, где они чаще занимают двойственную роль жертвы-агрессора (10,0% против 3,6% у старших подростков) и более часто выполняют роль агрессора (12,5% против 6,1%). Одновременно младшие подростки демонстрируют более высокую частоту обращения за помощью и поддержкой к семье (73,9% из них рассказывают родителям о проблемах и страхах), что отражает сохранение важности семейных связей в этом возрасте. Напротив, старшие подростки демонстрируют более развитые навыки поиска социальной поддержки в целом (53,1% против 41,3%), но преимущественно в более расширенных социальных контактах, а не только в семье.

Важное значение имеет выявление того факта, что при отсутствии средних и высоких уровней суицидального риска среди тувинских подростков, наличие суицидальных мыслей все же регистрируется (хотя и на более низком уровне), особенно у девочек. Это требует рассмотрения буллинга не только как социального явления, но и как серьезного фактора риска нарушений психического здоровья, потенциально способного привести к аутодеструктивному и суицидальному поведению.

Настоящее исследование демонстрирует безусловную ценность с точки зрения примененного авторами методологического подхода, позволяющего выявлять не только универсальные, но и характерные для Тувы, закономерности в феномене буллинга. Детальный анализ социальных ролей, типов агрессоров, форм издевательств и поведения жертв в поиске помощи создает информационную основу для разработки таргетированных профилактических и терапевтических программ. Результаты исследования создают информационную базу для разработки и реализации региональной политики по профилактике буллинга и защите психологического и психического здоровья подростков, с учетом специфических гендерных и возрастных факторов риска в тувинской подростковой популяции.

Представленная работа имеет особую научную значимость благодаря дифференцированному решению всех запланированных на выборке тувинских подростков задач с анализом частоты, видов, способов и проявлений буллинга в зависимости от пола и возраста, включая кратность эпизодов травли и характеристики агрессоров.

В целом, ситуация с буллингом у подростков Тувы характеризуется более благоприятным профилем, однако требует дифференцированного внимания к мальчикам, как группе повышенного риска по вовлеченности в оба вида буллинга, а также к девочкам, как уязвимой группе по суицидальным рискам. Наиболее высокий риск полиморбидного буллинга наблюдается в младшей возрастной группе, что требует проведения ранних профилактических мероприятий на уровне образовательных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Капиренкова, О. Н., Пискажева, (2020) Буллинг в современной образовательной среде // Психология когнитивных процессов. № 9. С. 177–184.
- Москаленко, О. Л. (2025) Буллинг и кибербуллинг у детей и подростков: признаки, виды, формы, профилактика (обзор литературы) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. Т. 59. № 2. С. 30–39. DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-2-974>
- Семенова, Н. Б. (2023) Буллинг и кибербуллинг в подростковой среде: распространённость, методы запугивания, ролевое поведение участников // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 67. № 4. С. 313–319. DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-4-313-319>
- Реан, А. А., Новикова, М. А. (2019) Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации: распространённость и влияние социоэкономических факторов // Мир психологии. № 1 (97). С. 165–177.
- Рогатень, О. Ю. (2019) Процесс виктимизации как социально-психологическое явление // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. № 1. С. 110–116.
- Abregú-Crespo, R., Garriz-Luis, A., Ayora, M., Martín-Martínez, N., Cavone, V., Carrasco, M. Á., Fraguas, D., Martín-Babarro, J., Arango, C., & Díaz-Caneja, C. M. (2024) School bullying in children and adolescents with neurodevelopmental and psychiatric conditions: a systematic review and meta-analysis // The Lancet. Child & adolescent health. Vol. 8. № 2. P. 122–134. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2352-4642\(23\)00289-4](https://doi.org/10.1016/S2352-4642(23)00289-4)
- Ang, C. S. (2017) Internet habit strength and online communication: Exploring gender differences // Computers in Human Behavior. Vol. 66. P. 1–16.
- Aparicio-Martínez, P., Ruiz-Rubio, M., Perea-Moreno, A. J., Martínez-Jiménez, M. P., Pagliari, C., Redel-Macías, M. D., Vaquero-Abellán, M. (2020) Gender differences in the addiction to social networks in the Southern Spanish university students // Telematics and Informatics. Vol. 46. Article 101304. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.101304>
- Armitage, R. (2021) Bullying in children: impact on child health // BMJ Paediatrics Open. Vol. 5. Issue 1. Article e000939. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjpo-2020-000939>
- Annon, S., Klomek, A. B., Visoki, E., Moore, T. M., Argabright, S. T., DiDomenico, G. E., Benton, T. D., Barzilay, R. (2022) Association of Cyberbullying Experiences and Perpetration With Suicidality in Early Adolescence // JAMA Network Open. Vol. 5. № 6. Article e2218746. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2022.18746>
- Avanesian, G., Dikaya, L., Bermous A., Kochkin S., Kirik V., Egorova V and Abkadyrova, I. (2021) Bullying in the Russian Secondary School: Predictive Analysis of Victimization // Frontiers in Psychology. Vol. 12. Article 644653. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.644653>
- Azevedo, Da Silva M., Gonzalez, J. C., Person, G. L., Martins, S. S. (2020) Bidirectional association between bullying perpetration and internalizing problems among youth // Journal of Adolescent Health. Vol. 66. № 3. P. 315–322. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2019.09.022>
- Brailovskaia, J., Teismann, T., Margraf, J. (2018) Cyberbullying, positive mental health and suicide ideation/behavior // Psychiatry Research. Vol. 267. P. 240–242. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.05.074>
- Chiu, H., Vargo, E. J. (2022) Bullying and other risk factors related to adolescent suicidal behaviours in the Philippines: a look into the 2011 GSHS Survey // BMC Psychiatry. Vol. 22. Article 445. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04085-w>
- Chudal, R., Tiiri, E., Brunstein Klomek, A., Ong, S. H., Fossum, S., Kaneko, H., Kolaitis, G., Lesinskiene, S., Li, L., Huong, M. N., Praharaj, S. K., Sillanmäki, L., Slobodskaya, H. R., Srabstein, J. C., Wiguna, T., Zamani, Z., Sourander, A., Eurasian Child Mental Health Study (EACMHS) Group (2022) Victimization by traditional bullying and cyberbullying and the combination of these among adolescents in 13 European and Asian countries // European child & Adolescent Psychiatry. Vol. 31. № 9. P. 1391–1404. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-021-01779-6>
- Cuesta, I., Montesó-Curto, P., Metzler Sawin, E., Jiménez-Herrera, M., Puig-Llobet, M., Seabra, P., Toussaint, L. (2021) Risk factors for teen suicide and bullying: An international integrative review // International journal of nursing practice. Vol. 27. № 3. Article e12930. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijn.12930>
- Estévez-García, J. F., Cañas, E., Estévez, E. (2023) Non-Disclosure and Suicidal Ideation in Adolescent Victims of Bullying: An Analysis from the Family and School Context // Psychosocial Intervention. Vol. 32. № 3. P. 191–201. DOI: <https://doi.org/10.5093/pi2023a13>

Fraguas, D., Díaz-Caneja, C. M., Ayora, M., Durán-Cutilla, M., Abregú-Crespo, R., Ezquiaga-Bravo, I., Martín-Babarro, J., Arango, C. (2021) Assessment of School Anti-Bullying Interventions: A Meta-analysis of Randomized Clinical Trials // *JAMA Pediatrics*. Vol. 175. № 1. P. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.3541>

Ge, X. (2025) Bullying victimization, suicidal behavior, and help-seeking in Chinese adolescents: a legal-psychological Study of resilience and responsibility // *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. Article 1625188. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1625188>

Gutiérrez-Cobo, M. J., Megías-Robles, A., Gómez-Leal, R., Cabello, R., Fernández-Berrocal, P. (2023) Emotion regulation strategies and aggression in youngsters: The mediating role of negative affect // *Heliyon*. Vol. 9. № 3. Article e14048. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e14048>

Hästbacka, M., Klausen, S. H., Dahlqvist, H., Korzhina, Y., Sundqvist, A. J., Käcko, E., Nyman-Kurkiala, P., Strindberg, J., Hemberg, J. (2025) Causes of bullying among young people and protective mechanisms and preventative factors that promote mental health and well-being: young people's perspectives // *International journal of qualitative studies on health and well-being*. Vol. 20. № 1. Article 2524459. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482631.2025.2524459>

Jaskulska, S., Jankowiak, B., Pérez-Martínez, V., Pyżalski, J., Sanz-Barbero, B., Bowes, N., De Claire, K., Neves, S., Topa, J., Silva, E., Mocanu, V., Gena, D. C., Vives-Cases, C. (2022) Bullying and Cyberbullying Victimization and Associated Factors among Adolescents in Six European Countries // *Sustainability*. Vol. 14. Article 14063. DOI: <https://doi.org/10.3390/su142114063>

John, A., Glendenning, A. C., Marchant, A., Montgomery, P., Stewart, A., Wood, S., Lloyd, K., Hawton, K. (2018) Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 20. № 4. Article e129. DOI: <https://doi.org/10.2196/jmir.9044>

Kim, S., Kimber M., Boyle M. H., Georgiades K. (2019) Sex differences in the association between cyberbullying victimization and mental health, substance use, and suicidal ideation in adolescents // *The Canadian Journal of Psychiatry*. Vol. 64. № 2. P. 126–35. DOI: <https://doi.org/10.1177/0706743718777397>

Kowalski, R. M., Giumetti, G. W., Schroeder, A. N., Lattanner, M. R. (2014) Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // *Psychological Bulletin*. Vol. 140. № 4. P. 1073–1137. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0035618>

Kwan, C., Wong, C., Chen, Z., Yip, P. S. F. (2022) Youth Bullying and Suicide: Risk and Protective Factor Profiles for Bullies, Victims, Bully-Victims and the Uninvolved // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. Article 2828. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19052828>

Kyriacou, C., Zuin, A. (2015) Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age // *Research Papers in Education*. Vol. 1522. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/02671522.2015.1037337>

Labella, M. H., Klein, N. D., Yeboah, G., Bailey, C., Doane, A. N., Kaminer, D., Bravo, A. J., Cross-Cultural Addictions Study Team (2024) Childhood bullying victimization, emotion regulation, rumination, distress tolerance, and depressive symptoms: A cross-national examination among young adults in seven countries // *Aggressive Behavior*. Vol. 50. № 1. Article e22111. DOI: <https://doi.org/10.1002/ab.22111>

Li, C., Wang, P., Martin-Moratinos, M., Bella-Fernández, M., Blasco-Fontecilla, H. (2024) Traditional bullying and cyberbullying in the digital age and its associated mental health problems in children and adolescents: a meta-analysis // *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 33. № 9. P. 2895–2909. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-022-02128-x>

Lin, J. C., Shih, Y. H. (2024) Strategies for preventing school bullying-A life education perspective // *Frontiers in Psychology*. Vol. 15. Article 1429215. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1429215>

López-Castro, L., Smith, P. K., Robinson, S., Görzig, A. (2023) Age differences in bullying victimisation and perpetration: Evidence from cross-cultural surveys // *Aggression and Violent Behavior*. Vol. 73. Article 101888. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2023.101888>

Maftai, A., Holman, A. C., Merlici, I. A. (2022) Using fake news as means of cyber-bullying: The link with compulsive internet use and online moral disengagement // *Computers in Human Behavior*. Vol. 127. Article 107032. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107032>

Matuschka, L., Scott, J. G., Campbell, M., Lawrence, D. M., Zubrick, S., Bartlett, J., Thomas, H. J. (2022) Correlates of Help-Seeking Behaviour in Adolescents Who Experience Bullying Victimization // *International Journal of Bullying Prevention*. Vol. 4. P. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42380-021-00090-x>

McLoughlin, A., Sadath, A., McMahon, E., Kavalidou, K., Malone, K. (2022) Associations between humiliation, shame, self-harm and suicidal behaviours among adolescents and young adults: A systematic review protocol // PLoS ONE. Vol. 17. № 11. Article e0278122. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0278122>

Mitchell, K. J., Jones, L. M., Turner, H. A. (2021) Past year technology- involved peer harassment victimization and recent depressive symptoms and suicide ideation among a national sample of youth // Journal of Interpersonal Violence. Vol. 36. Issue 3–4. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260517748413>

Nguyen, T. H., Shah, G., Muzamil, M., Ikhile, O., Ayangunna, E., Kaur, R. (2023) Association of In-School and Electronic Bullying with Suicidality and Feelings of Hopelessness among Adolescents in the United States // Children. Vol. 10, № 4. Article 755. DOI: <https://doi.org/10.3390/children10040755>

Peprah, P., Asare, B. Y., Nyadanu, S. D., Asare-Doku, W., Adu, C., Peprah, J., Osafo, J., Kretchy, I. A., Gyasi, R. M. (2023) Bullying Victimization and Suicidal Behavior among adolescents in 28 Countries and Territories: A Moderated Mediation Model // The Journal of Adolescent Health. Vol. 73. Issue 1. P. 110–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2023.01.029>

Reer, F., Festl, R., Quandt, T. (2021) Investigating problematic social media and game use in a nationally representative sample of adolescents and younger adults // Behaviour & Information Technology. Vol. 40. № 8. P. 776–789. DOI: <https://doi.org/10.1080/0144929X.2020.1724333>

Rees, D. I., Sabia, J. J., Kumpas, G. (2022) Anti-Bullying Laws and Suicidal Behaviors Among Teenagers // Journal of Policy Analysis and Management. Vol. 41. P. 787–823. DOI: <https://doi.org/10.1002/pam.22405>

Sainz, V., Martín-Moya, B. (2023) The importance of prevention programs to reduce bullying: A comparative study // Frontiers in Psychology. Vol. 13. Article 1066358. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1066358>

Sampasa-Kanyinga, H. (2017) Co-occurring cyberbullying and school bullying victimization and associations with mental health problems among Canadian middle and high school students // Violence and Victim. Vol. 32. № 4. P. 671–87. DOI: <https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-16-00031>

Sampasa-Kanyinga, H., Lalande, K., Colman, I. (2018) Cyberbullying victimisation and internalising and externalising problems among adolescents: the moderating role of parent-child relationship and child's sex // Epidemiology and Psychiatric Sciences. Vol. 29. № 13. Article e8. DOI: <https://doi.org/10.1017/S2045796018000653>

Shoham, D. A., Wang, Z., Lindberg, S., Chu, H., Brubaker, L., Brady, S. S., Coyne-Beasley, T., Fitzgerald, C. M., Gahagan, S., Harlow, B. L., Joinson, C., Low, L. K., Markland, A. D., Newman, D. K., Smith, A. L., Stapleton, A., Sutcliffe, S., Berry, A. (2021) School Toileting Environment, Bullying, and Lower Urinary Tract Symptoms in a Population of Adolescent and Young Adult Girls: Preventing Lower Urinary Tract Symptoms Consortium Analysis of Avon Longitudinal Study of Parents and Children // Urology. Vol. 151. P. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.urology.2020.06.060>

Sitnik-Warchulska, K., Wajda, Z., Wojciechowski, B., Izydorczyk, B. (2021) The Risk of Bullying and Probability of Help-Seeking Behaviors in School Children: A Bayesian Network Analysis // Frontiers in Psychiatry. Vol. 12. Article 640927. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.640927>

Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., Tippet, N. (2008) Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils // Journal of Child Psychology and Psychiatry. Vol. 49. № 4. P. 376–385. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x>

Sourander, A., Koskelainen, M., Niemelä, S., Rihko, M., Ristkari, T. & Lindroos, J. (2012) Changes in adolescents mental health and use of alcohol and tobacco: a 10-year time-trend study of Finnish adolescents // European Child & Adolescent Psychiatry. Vol. 21. P. 665–671. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-012-0303-8>

Sun, W., Gu, F., Tan, B., Tang, S., Tang, K., Meng, J., Shen, Y., Gao, L., Li, J., Shan, S., Li, S., Xiao, W., Zhang, R., Song, P. (2025) Gender differences in the association between bullying victimization and depressive symptoms in Chinese children and adolescents // BMC Public Health. Vol. 25. Article 1944. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-025-23129-w>

Useche, S. A., Valle-Escolano, R., Valle, E., Colomer-Pérez, N. (2023) Gender differences in teenager bullying dynamics and predictors of peer-to-peer intimidation // Heliyon. Vol. 9. Issue 9. Article e20243. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e20243>

Wang, J., Iannotti, R. J., Luk, J. W. (2012) Patterns of adolescent bullying behaviors: Physical, verbal, exclusion, rumor, and cyber // Journal of School Psychology. Vol. 50. № 4. P. 521–534. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2012.03.004>

Williams, C., Griffin, K. W., Botvin, C. M., Sousa, S., Botvin, G. J. (2023) Effectiveness of Digital Health Tools to Prevent Bullying among Middle School Students // Adolescents. Vol. 3, № 1. P. 110–130. DOI: <https://doi.org/10.3390/adolescents3010009>

Zaborskis, A., Ilionsky, G., Tesler, R., Heinz, A. (2019) The Association Between Cyberbullying, School Bullying, And Suicidality Among Adolescents // *Crisis*. Vol. 40. № 2. P. 100–104. DOI: <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000536>

Zhu, X., Griffiths, H., Eisner, M., Hepp, U., Ribeaud, D., Murray, A. L. (2022) Developmental associations between bullying victimization and suicidal ideation and direct self-injurious behavior in adolescence and emerging adulthood // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 63. P. 820–828. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.13529>

Дата поступления: 18.01.2026 г.

Дата принятия: 15.04.2026 г.

REFERENCES

Kapirenkova, O. N. and Piskazheva, (2020) Bullying in the modern educational environment. *Psikhologiya kognitivnykh protsessov*, no. 9, pp. 177–184. (In Russ.)

Moskalenko, O. L. (2025) Bullying and cyberbullying in children and adolescents: signs, types, forms, prevention (literature review). *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, vol. 59, no. 2, pp. 30–39. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2025-2-974>

Semenova, N. B. (2023) Bullying and cyberbullying in the adolescent environment: prevalence, methods of intimidation, role behavior of participants. *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii*, vol. 67, no. 4, pp. 313–319. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-4-313-319>

Rean, A. A. and Novikova, M. A. (2019) Bullying among high school students in the Russian Federation: prevalence and the impact of socioeconomic factors. *Mir psikhologii*, no. 1 (97), pp. 165–177. (In Russ.)

Rogaten', O. Yu. (2019) The process of victimization as a socio-psychological phenomenon. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*, no. 1, pp. 110–116. (In Russ.)

Abregú-Crespo, R., Garriz-Luis, A., Ayora, M., Martín-Martínez, N., Cavone, V., Carrasco, M. Á., Fraguas, D., Martín-Babarro, J., Arango, C., and Díaz-Caneja, C. M. (2024) School bullying in children and adolescents with neurodevelopmental and psychiatric conditions: a systematic review and meta-analysis. *The Lancet. Child & adolescent health*, vol. 8, no. 2, pp. 122–134. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2352-4642\(23\)00289-4](https://doi.org/10.1016/S2352-4642(23)00289-4)

Ang, C. S. (2017) Internet habit strength and online communication: Exploring gender differences. *Computers in Human Behavior*, vol. 66, pp. 1–16.

Aparicio-Martínez, P., Ruiz-Rubio, M., Perea-Moreno, A. J., Martínez-Jiménez, M. P., Pagliari, C., Redel-Macías, M. D. and Vaquero-Abellán, M. (2020) Gender differences in the addiction to social networks in the Southern Spanish university students. *Telematics and Informatics*, vol. 46, article 101304. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.101304>

Armitage, R. (2021) Bullying in children: impact on child health. *BMJ Paediatrics Open*, vol. 5, issue 1, article e000939. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjpo-2020-000939>

Arnon, S., Klomek, A. B., Visoki, E., Moore, T. M., Argabright, S. T., DiDomenico, G. E., Benton, T. D. and Barzilay, R. (2022) Association of Cyberbullying Experiences and Perpetration With Suicidality in Early Adolescence. *JAMA Network Open*, vol. 5, no. 6, article e2218746. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2022.18746>

Avanesian, G., Dikaya, L., Bermous A., Kochkin S., Kirik V., Egorova V. and Abkadyrova, I. (2021) Bullying in the Russian Secondary School: Predictive Analysis of Victimization. *Frontiers in Psychology*, vol. 12, article 644653. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.644653>

Azevedo, Da Silva M., Gonzalez, J. C., Person, G. L. and Martins, S. S. (2020) Bidirectional association between bullying perpetration and internalizing problems among youth. *Journal of Adolescent Health*, vol. 66, no. 3, pp. 315–322. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2019.09.022>

Brailovskaia, J., Teismann, T. and Margraf, J. (2018) Cyberbullying, positive mental health and suicide ideation/behavior. *Psychiatry Research*, vol. 267, pp. 240–242. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.05.074>

Chiu, H., Vargo, E. J. (2022) Bullying and other risk factors related to adolescent suicidal behaviours in the Philippines: a look into the 2011 GSHS Survey. *BMC Psychiatry*, vol. 22, article 445. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04085-w>

Chudal, R., Tiiri, E., Brunstein Klomek, A., Ong, S. H., Fossum, S., Kaneko, H., Kolaitis, G., Lesinskiene, S., Li, L., Huong, M. N., Praharaj, S. K., Sillanmäki, L., Slobodskaya, H. R., Srabstein, J. C., Wiguna, T., Zamani, Z., Sourander, A. and Eurasian Child Mental Health Study (EACMHS) Group (2022) Victimization by traditional bullying and cyberbullying

and the combination of these among adolescents in 13 European and Asian countries. *European child & Adolescent Psychiatry*, vol. 31, no. 9, pp. 1391–1404. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-021-01779-6>

Cuesta, I., Montesó-Curto, P., Metzler Sawin, E., Jiménez-Herrera, M., Puig-Llobet, M., Seabra, P. and Toussaint, L. (2021) Risk factors for teen suicide and bullying: An international integrative review. *International journal of nursing practice*, vol. 27, no. 3, article e12930. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijn.12930>

Estévez-García, J. F., Cañas, E. and Estévez, E. (2023) Non-Disclosure and Suicidal Ideation in Adolescent Victims of Bullying: An Analysis from the Family and School Context. *Psychosocial Intervention*, vol. 32, no. 3, pp. 191–201. DOI: <https://doi.org/10.5093/pi2023a13>

Fraguas, D., Díaz-Caneja, C. M., Ayora, M., Durán-Cutilla, M., Abregú-Crespo, R., Ezquiaga-Bravo, I., Martín-Babarro, J. and Arango, C. (2021) Assessment of School Anti-Bullying Interventions: A Meta-analysis of Randomized Clinical Trials. *JAMA Pediatrics*, vol. 175, no. 1, pp. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.3541>

Ge, X. (2025) Bullying victimization, suicidal behavior, and help-seeking in Chinese adolescents: a legal-psychological Study of resilience and responsibility. *Frontiers in Psychology*, vol. 16, article 1625188. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1625188>

Gutiérrez-Cobo, M. J., Megías-Robles, A., Gómez-Leal, R., Cabello, R. and Fernández-Berrocal, P. (2023) Emotion regulation strategies and aggression in youngsters: The mediating role of negative affect. *Heliyon*, vol. 9, no. 3, article e14048. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e14048>

Hästbacka, M., Klausen, S. H., Dahlqvist, H., Korzhina, Y., Sundqvist, A. J., Käcko, E., Nyman-Kurkiala, P., Strindberg, J. and Hemberg, J. (2025) Causes of bullying among young people and protective mechanisms and preventative factors that promote mental health and well-being: young people's perspectives. *International journal of qualitative studies on health and well-being*, vol. 20, no. 1, article 2524459. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482631.2025.2524459>

Jaskulska, S., Jankowiak, B., Pérez-Martínez, V., Pyżalski, J., Sanz-Barbero, B., Bowes, N., De Claire, K., Neves, S., Topa, J., Silva, E., Mocanu, V., Gena, D. C. and Vives-Cases, C. (2022) Bullying and Cyberbullying Victimization and Associated Factors among Adolescents in Six European Countries. *Sustainability*, vol. 14, article 14063. DOI: <https://doi.org/10.3390/su142114063>

John, A., Glendenning, A. C., Marchant, A., Montgomery, P., Stewart, A., Wood, S., Lloyd, K. and Hawton, K. (2018) Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 20, no. 4, article e129. DOI: <https://doi.org/10.2196/jmir.9044>

Kim, S., Kimber M., Boyle M. H. and Georgiades K. (2019) Sex differences in the association between cyberbullying victimization and mental health, substance use, and suicidal ideation in adolescents. *The Canadian Journal of Psychiatry*, vol. 64, no. 2, pp. 126–35. DOI: <https://doi.org/10.1177/0706743718777397>

Kowalski, R. M., Giumetti, G. W., Schroeder, A. N. and Lattanner, M. R. (2014) Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, vol. 140, no. 4, pp. 1073–1137. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0035618>

Kwan, C., Wong, C., Chen, Z. and Yip, P. S. F. (2022) Youth Bullying and Suicide: Risk and Protective Factor Profiles for Bullies, Victims, Bully-Victims and the Uninvolved. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, article 2828. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19052828>

Kyriacou, C. and Zuin, A. (2015) Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age. *Research Papers in Education*, vol. 1522, pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/02671522.2015.1037337>

Labella, M. H., Klein, N. D., Yeboah, G., Bailey, C., Doane, A. N., Kaminer, D., Bravo, A. J. and Cross-Cultural Addictions Study Team (2024) Childhood bullying victimization, emotion regulation, rumination, distress tolerance, and depressive symptoms: A cross-national examination among young adults in seven countries. *Aggressive Behavior*, vol. 50, no. 1, article e22111. DOI: <https://doi.org/10.1002/ab.22111>

Li, C., Wang, P., Martin-Moratinos, M., Bella-Fernández, M. and Blasco-Fontecilla, H. (2024) Traditional bullying and cyberbullying in the digital age and its associated mental health problems in children and adolescents: a meta-analysis. *European Child & Adolescent Psychiatry*, vol. 33, no. 9, pp. 2895–2909. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-022-02128-x>

Lin, J. C. and Shih, Y. H. (2024) Strategies for preventing school bullying-A life education perspective. *Frontiers in Psychology*, vol. 15, article 1429215. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1429215>

López-Castro, L., Smith, P. K., Robinson, S. and Görzig, A. (2023) Age differences in bullying victimisation and perpetration: Evidence from cross-cultural surveys. *Aggression and Violent Behavior*, vol. 73, article 101888. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2023.101888>

Maftai, A., Holman, A. C. and Merlici, I. A. (2022) Using fake news as means of cyber-bullying: The link with compulsive internet use and online moral disengagement. *Computers in Human Behavior*, vol. 127, article 107032. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107032>

Matuschka, L., Scott, J. G., Campbell, M., Lawrence, D. M., Zubrick, S., Bartlett, J. and Thomas, H. J. (2022) Correlates of Help-Seeking Behaviour in Adolescents Who Experience Bullying Victimisation. *International Journal of Bullying Prevention*, vol. 4, pp. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42380-021-00090-x>

McLoughlin, A., Sadath, A., McMahon, E., Kavalidou, K. and Malone, K. (2022) Associations between humiliation, shame, self-harm and suicidal behaviours among adolescents and young adults: A systematic review protocol. *PLoS ONE*, vol. 17, no. 11, article e0278122. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0278122>

Mitchell, K. J., Jones, L. M. and Turner, H. A. (2021) Past year technology- involved peer harassment victimization and recent depressive symptoms and suicide ideation among a national sample of youth. *Journal of Interpersonal Violence*, vol. 36, issue 3–4. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260517748413>

Nguyen, T. H., Shah, G., Muzamil, M., Ikhile, O., Ayangunna, E. and Kaur, R. (2023) Association of In-School and Electronic Bullying with Suicidality and Feelings of Hopelessness among Adolescents in the United States. *Children*, vol. 10, no. 4, article 755. DOI: <https://doi.org/10.3390/children10040755>

Peprah, P., Asare, B. Y., Nyadanu, S. D., Asare-Doku, W., Adu, C., Peprah, J., Osafo, J., Kretchy, I. A. and Gyasi, R. M. (2023) Bullying Victimization and Suicidal Behavior among adolescents in 28 Countries and Territories: A Moderated Mediation Model. *The Journal of Adolescent Health*, vol. 73, issue 1, pp. 110–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2023.01.029>

Reer, F., Festl, R. and Quandt, T. (2021) Investigating problematic social media and game use in a nationally representative sample of adolescents and younger adults. *Behaviour & Information Technology*, vol. 40, no. 8, pp. 776–789. DOI: <https://doi.org/10.1080/0144929X.2020.1724333>

Rees, D. I., Sabia, J. J. and Kumpas, G. (2022) Anti-Bullying Laws and Suicidal Behaviors Among Teenagers. *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 41, pp. 787–823. DOI: <https://doi.org/10.1002/pam.22405>

Sainz, V. and Martín-Moya, B. (2023) The importance of prevention programs to reduce bullying: A comparative study. *Frontiers in Psychology*, vol. 13, article 1066358. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1066358>

Sampasa-Kanyinga, H. (2017) Co-occurring cyberbullying and school bullying victimization and associations with mental health problems among Canadian middle and high school students. *Violence and Victims*, vol. 32, no. 4, pp. 671–87. DOI: <https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-16-00031>

Sampasa-Kanyinga, H., Lalande, K. and Colman, I. (2018) Cyberbullying victimisation and internalising and externalising problems among adolescents: the moderating role of parent-child relationship and child's sex. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, vol. 29, no. 13, article e8. DOI: <https://doi.org/10.1017/S2045796018000653>

Shoham, D. A., Wang, Z., Lindberg, S., Chu, H., Brubaker, L., Brady, S. S., Coyne-Beasley, T., Fitzgerald, C. M., Gahagan, S., Harlow, B. L., Joinson, C., Low, L. K., Markland, A. D., Newman, D. K., Smith, A. L., Stapleton, A., Sutcliffe, S. and Berry, A. (2021) School Toileting Environment, Bullying, and Lower Urinary Tract Symptoms in a Population of Adolescent and Young Adult Girls: Preventing Lower Urinary Tract Symptoms Consortium Analysis of Avon Longitudinal Study of Parents and Children. *Urology*, vol. 151, pp. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.urology.2020.06.060>

Sitnik-Warchulska, K., Wajda, Z., Wojciechowski, B. and Izydorczyk, B. (2021) The Risk of Bullying and Probability of Help-Seeking Behaviors in School Children: A Bayesian Network Analysis. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 12, article 640927. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.640927>

Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S. and Tippett, N. (2008) Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, vol. 49, no. 4, pp. 376–385. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x>

Sourander, A., Koskelainen, M., Niemelä, S., Rihko, M., Ristkari, T. and Lindroos, J. (2012) Changes in adolescents mental health and use of alcohol and tobacco: a 10-year time-trend study of Finnish adolescents. *European Child & Adolescent Psychiatry*, vol. 21, pp. 665–671. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-012-0303-8>

Sun, W., Gu, F., Tan, B., Tang, S., Tang, K., Meng, J., Shen, Y., Gao, L., Li, J., Shan, S., Li, S., Xiao, W., Zhang, R. and Song, P. (2025) Gender differences in the association between bullying victimization and depressive symptoms in Chinese children and adolescents. *BMC Public Health*, vol. 25, article 1944. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-025-23129-w>

Useche, S. A., Valle-Escolano, R., Valle, E. and Colomer-Pérez, N. (2023) Gender differences in teenager bullying dynamics and predictors of peer-to-peer intimidation. *Heliyon*, vol. 9, issue 9, article e20243. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e20243>

Wang, J., Iannotti, R. J. and Luk, J. W. (2012) Patterns of adolescent bullying behaviors: Physical, verbal, exclusion, rumor, and cyber. *Journal of School Psychology*, vol. 50, no. 4, pp. 521–534. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2012.03.004>

Williams, C., Griffin, K. W., Botvin, C. M., Sousa, S. and Botvin, G. J. (2023) Effectiveness of Digital Health Tools to Prevent Bullying among Middle School Students. *Adolescents*, vol. 3, no. 1, pp. 110–130. DOI: <https://doi.org/10.3390/adolescents3010009>

Zaborskis, A., Ilionsky, G., Tesler, R. and Heinz, A. (2019) The Association Between Cyberbullying, School Bullying, And Suicidality Among Adolescents. *Crisis*, vol. 40, no. 2, pp. 100–104. DOI: <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000536>

Zhu, X., Griffiths, H., Eisner, M., Hepp, U., Ribeaud, D. and Murray, A. L. (2022) Developmental associations between bullying victimization and suicidal ideation and direct self-injurious behavior in adolescence and emerging adulthood. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, vol. 63, pp. 820–828. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.13529>

Submission date: 18.01.2026.

Acceptance date: 15.04.2026.